

Матыушова, Зденька

Лирическая тональность прозы Последний поклон Виктора Астафьева

Новая русистика. 2023, vol. 16, iss. 2, pp. 5-14

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2023-2-1>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.79414>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20240201

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Лирическая тональность прозы *Последний поклон* Виктора Астафьева

The Lyrical Tonality of the Prose *The Last Tribute* by Victor Astafiev

Зденька Матыушова

(Ческе-Будейовице, Чешская Республика)

Abstract:

The essay is devoted to the fundamental work of the significant Russian writer Victor Petrovich Astafiev (1924–2001) with the title *The Last Tribute* (1957–1977). The basis of Astafiev's autobiographical prose is not only the action, plot, epic plotline and its development, but also and above all the intensity of the moment, strong emotional richness, huge artistic expression, the bewitchment of the power of sensual, emotional and imaginative impressions of particular situations.

Key words:

Victor Astafiev; *The Last Tribute*; lyrical prose; the human and home

Предлагаемая статья посвящена фундаментальному произведению «*Последний поклон*» выдающегося русского писателя Виктора Петровича Астафьева. Отправной точкой автобиографической прозы Астафьева является не только действие, сюжет, эпическая завязка и ее развитие, но, прежде всего, интенсивность момента, сильное эмоциональное богатство, большая художественная выразительность, очарование силой чувственных, эмоциональных и воображаемых впечатлений о конкретной ситуации.

Русский писатель Виктор Петрович Астафьев (1924–2001) вошел в литературу как выразительный представитель деревенской прозы, т. е. прозы с тематикой,

посвященной деревне. Он принадлежал к тому поколению, которое прочно вошло в историю русской литературы именами Б. Можая, Ф. Абрамова, В. Шукшина, В. Солоухина, К. Воробьева, В. Астафьева, Е. Носова, В. Тендрякова, В. Белова, С. Залыгина, В. Распутина и других. Г. А. Белая пишет: «Их самый сильный аргумент — человек деревни, оказанный изнутри, с точки зрения его восприятия, переживания и его меняющегося мышления» [BELAJA 1987, 13]. В своей научной книге А. И. Разувалова отмечает: «Показательно, что одна из ключевых работ о ,деревенской прозе‘ — монография американской исследовательницы К. Партэ ,Русская деревенская проза: Светлое прошлое‘ была воодушевлена стремлением разграничить в анализируемых текстах ,художественное‘ и ,идеологическое‘ (последнее понималось как непосредственная артикуляция художником политически ангажированных взглядов» [RAZUVALOVA 2015]. Эта так называемая деревенская проза явилась ко времени. Это без всякого преувеличения и пафоса вершина русской литературы 20-ого века, ее, откровенно говоря, феноменальный и грандиозный взлет, вклад и значение.

Прозаик Виктор Астафьев был всегда страстно увлечен поисками смысла жизни и человеческого существования. Эта особенность художественной индивидуальности писателя со всей отчетливостью и полнотой отразилась на особенностях воплощения им фактов и явлений окружающей действительности. Его литературное творчество неразделимо и тесно связано с доверительно ему знакомой средой и жизнью сибирской деревни, так как и его личная житейская и писательская судьба от Сибири неотделима. Он обнаруживал поразительную память, зрительную, слуховую и просто человеческую, с которой начинается уважение и любовь к родителям, к родному дому, к природе, к человеку, к жизни. По словам А. Н. Макарова, «[...] о Викторе Астафьеве хочется писать так же раздумчиво, как пишет он сам, словами простыми, таящими в себе и запахи широкошумной тайги, и шорох на Енисее, и строгий покой лесных озер, и звонкую стынью родников [...] Словами меткой и вольной русской речи, которые как бы сами по себе сплетаются в тесный хоровод, являющий яркий образ, способный вызвать глубинный отзвук в вашей душе. Проза Астафьева... — это всегда размышление о нашей жизни, о назначении человека на земле и в обществе и его нравственных устоях... Астафьев — по натуре своей он моралист и поэт человечности и относится к роду художников, которые пишут о душе — предмете необъяснимом и как бы иллюзорном, однако всем понятном» [MAKAROV 1973, 277–278].

Особое внимание надо уделять лирическому аспекту творчества выдающегося писателя, так как лиризм является одной из основных особенностей прозы Виктора Астафьева. В лирической тональности, выражающей идейно-эмоциональную суть авторской позиции, со всей отчетливостью проявилась

эта черта астафьевской поэтики, которая стала доминирующей не только в его автобиографической прозе «*Последний поклон*» (1957–1977), но и во всем его литературном творчестве.

Литературный критик А. П. Ланциков пишет: «Астафьев обращается к воспоминанию далекой поры детства, чтобы восстановить духовную атмосферу того времени, когда проходило первичное становление характеров его сверстников. Нравственный и гражданский фундамент закладывается именно в детстве, и тут не второстепенное значение имеет, кто, как говорится, при сем присутствовал» [LANŠČIKOV 1975, 32]. Его герои испытывают лирическое экстатическое опьянение в лоне природы, глядя на бесконечное небо, при мимолетном прикосновении к серебристо-бархатным блескам луны. Лиризм здесь является подавлением волюнтаризма, рационализма и акцентуацией иррационализма, спонтанности, связи человека с космическим и биологическим основанием жизни. Лирическо-взволнованное и предельно пластическое изображение предметного мира и человеческих характеров неизменно соединено в его поэтике с глубокой философичностью и аналитизмом. «Виктор Астафьев ставит в центр творчества простого человека, который черпает силы для духовной жизни в контактах с природой и космосом [...] Композиционное и эстетическое совершенство «Последнего поклона» основаны на двух началах — на удивительно чистом характере бабушки и на безграничном обаянии самого рассказчика, участника всех событий [...] Кстати, Витя Потылицын — автобиографический образ, он носит фамилию бабушки и матери Виктора Астафьева» [MATYUŠOVA 2014, 533–534].

Личное начало «*Последнего поклона*» выражено ярко, эмоционально и не замкнуто рамками определенной индивидуальной судьбы. Виктор Астафьев приходит к выводу, что одиночество и страдание являются вечными спутниками человека. Почти невольно, в мгновенном моменте, появляется воспоминание, воплощенное в природной детали — аромате земляники. «Бабушка держала меня за руку и все крепче, крепче сжимала ее... А я боязливо прижимался к ней, к моей живой и теплой бабушке... В росистой траве загорались от солнца красные огоньки земляники. Я наклонился, взял пальцами чуть шершавую, еще только с одного бока опаленную ягоду... Руки мои запахло лесом, травой и этой яркой зарею, разметавшейся по всему небу» [ASTAFJEV 1980, 24–25].

Для Астафьева этот аромат неразрывно связан с отношением к матери и особенно к бабушке, потому что он вызывает ее образ, говорит о ее благородстве, воле, самоотверженности, о широкой натуре и жизненной отваге. «Бабушка! Бабушка, миленькая! Где ты?.. — я зову самого дорогого человека... Всегда слышала меня бабушка. Всегда приходила ко мне в нужную и трудную

минуту. Всегда спасала меня, облегчала мои боли и беды [...]» [ASTAF'JEV 1980, 449].

Н. Н. Яновский в своем очерке замечает: «[...] самым обаятельным, самым значительным, убеждающим и покоряющим образом, который проходит через всю повесть, является конечно образ бабушки Катерины Петровны. На редкость многогранен он в обрисовке В. Астафьева, объемён и пластичен» [JANOVSKIJ 1982, 159].

И заметим еще слова И. А. Дедкова: «Проходя через трудные и необходимые воспоминания, вглядываясь в прошлое, писатель, а вместе с ним и читатель, обретают новую волю к жизни, умной и справедливой. „Последний поклон“ еще раз напоминает, что ничего нельзя забывать, что существует долгий и неоплатный долг, и нищи те, кто не знает родства своего» [DEDKOV 1975, 14].

Виктор Астафьев изобразил свою бабушку как солидную человеческую фигуру, наполнил ее заградительным потоком любви, не знающей границ, и вместе с тем он изобразил ее как простой человеческий тип, который ведет себя в своей скромной доброте так же просто и естественно, как было бы это обычным явлением. «Бабушка была для меня отцом и матерью — всем, что есть на этом свете дорогого для меня... И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Виноватый я перед бабушкой, я пытаюсь воскресить ее в памяти, поведать о ней другим людям, чтоб в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыскали они ее, и была бы ее жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта... Нет у меня таких слов, которые бы смогли передать всю мою любовь к бабушке, оправдали бы меня перед нею. Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда и все мне прощала. Но ее нет. И никогда не будет. И некому прощать» [ASTAF'JEV 1980, 617–618].

Неслучайно была в 1957 году создана как самостоятельный рассказ (позже часть цикла рассказов «*Последний поклон*») «*Зорькина песня*», в которой Виктор Астафьев рассказывает о своем раннем детстве, о своей бабушке, которая научила его примечать в жизни все прекрасное и необыкновенное. В этом повествовании как бы произошло чудесное превращение — известный аромат охватил автора и все его чувства радостно и болезненно вспомнили о его бабушке и теплоте ее сердца. Это воспоминания, которые ласкают и причиняют боль одновременно. В «*Последнем поклоне*», в этой «лирической эпопее» [JANOVSKIJ 1974, 167], как определил его жанр литературный критик Н. Н. Яновский, все видится и переживается воспоминаниями и через воспоминание. Л. Ф. Ершов заявил, что «в центре внимания две судьбы, два полюса — бабушка и внук. Катерина Петровна — характер решительный... Вместе с тем сколько душевного тепла, доброты и любви к людям скрыто под внешней суровостью. Способность понять человека, сострадание чужой

беде — вот что привлекает к ней сердца» [JERŠOV 1984, 78–79]. Фактическое воспоминание о детстве в этом рассказе значительно затенено изображением мира и красотой природы, видимых глазами ребенка. Руководствуясь своим буйным и свободным воображением, авторушка Виктора Астафьева создает и моделирует из общеупотребительных слов или менее распространенных обыкновенных сочетаний волшебство и магию поэтической прозы о детстве и о природе. Русский эссеист Ю. А. Беликов о нем написал: «Писатель да ещё прозаик не может нигде и ни в чём скрыться. В его книгах „всё видно“» [BELIKOV 2014, 4].

В жизни каждое действие, поведение, каждое слово, чувство или эмоциональное переживание распространяется как на микрокосмос, так на макрокосмос. Может быть, где-то во вселенной или в другом измерении, все, что произошло, записывается и может быть увидено или услышано снова. Необходимо вернуться к корням и началам, таинственному ядру жизни и убрать перегородки между двумя мирами — земным и неземным, поскольку между ними нет никаких противоречий и разногласий. Однако существует постоянный риск того, что человек будет неправ в некотором из своих намерений, но это не нарушает естественную систему и процесс вселенной, поскольку он или кто-то другой всегда могут исправить ошибку.

При воспроизведении изображения ночного неба можно увидеть изумленный взгляд Астафьева, восхищение бесконечностью вселенной и величием природы по сравнению с незаметностью человека и секундным измерением человеческой жизни, которое является простым вздрагиванием в отношении к космической вечности.

«[...] лунное мерцание на вершине утеса, шевеление и треск воды, дерево в панцире — создавали ощущение завороченности, потусторонности мира. Еще никогда не казался он мне таким потаенным и величественным. Его спокойствие и беспредельность потрясли» [ASTAF'JEV 1980, 498].

Автор прислушивается к мелодии плавного существования, лирически овеществляет головокружительное ощущение вечности и с удивительной воздушностью усиливает богатую реальность земной жизни в дрожащую космическую притчу.

Творческий подход Виктора Астафьева основан на двух основных предположениях — на знании людей и на знании закономерностей мира, в котором они действуют. В его прозаических произведениях речь идет не только о внешних событиях, но и о событиях духовного, внутреннего характера. А Виктор Астафьев ищет свое выражение и технику для этих закономерностей физической вселенной и духовной вселенной, существование и происхождение которых до сих пор пока скрыты многими тайнами, как и внутренняя вселенная человека.

Он хочет выразить жизнь в полной целостности, осязаемую и видимую реальность уловить через много вещей невидимых и ими следовательно определить смысл мира материального. А именно отсюда берет начало его сильный, драматический лиризм.

В то же время Виктор Астафьев, как лирик, вводит нас в сферу лирических переживаний, следит за ходом событий в природе и видит в нем несомненную параллель с человеческой судьбой. Можно сказать, что он драматизирует и трансформирует природу судьбой человека и судьбу человека природой. Нетрудно заметить, что природные мотивы и описание окружающей среды являются в *«Последнем поклоне»* не просто конкретизацией переживания и иллюстрацией ситуации, но у них более глубокая досягаемость и проникновение. Виктор Астафьев не признает отвлеченной от природы жизни и оторванных от нее чувств. Он стремится довести индивидуальные лирические переживания до полной конкретности живописного рисунка. «Я улыбнулся солнцу и приоткрыл глаза. Впереди виднелись не стволы, а кроны сосен, уже растущих под обвалами скал, среди осыпей, стоков и расщелин... Чапыжник да осинники трясут листом по старым покосам; кипенью золотистых цветков залиты склоны гор, забытыми кострами бездымно догорают в желтой пене курослепа дикие пионы» [ASTAF'JEV 1980, 514–515].

Как видно из этого примера, субъективность повествования, действительно, придает ему ярко выраженный лирический тон. Естественная деталь понимается не только как часть цепочки следующих деталей, но в совершенно конкретной ситуации она как будто необыкновенная сама по себе. Виктор Астафьев ищет взаимосвязи между жизнью человека и жизнью природы, которой он приписывает особенную силу и способность непрерывно обновляться. Он призывает к возвращению к неуничтожимой природе, которое, таким образом, становится возвращением к корням и закреплению человеческого существа. Природа предстает как макромир, а земля и человек — его часть, своего рода микромир. Человек выходит в космос, чтобы познать законы Вселенной, чтобы разумнее жить на Земле. И таким образом Астафьев в своей прозе утверждает концепцию единства человека с природой, обществом и всей системой миропознания. В самых общих чертах суть астафьевской концепции жизни и творчества — в неросторжимом триадном единстве и гармонии природного, человеческого и космического.

Природа является также прекрасной вдохновляющей базой для Виктора Астафьева. Очевидна постоянная потребность прозаика в непосредственном контакте с ней как с предпосылкой окончательного созревания его собственного стилистического выражения. И можно предположить, что его кристаллизация и утонченность действительно были сформированы

и ускорены пейзажной живописью. Прозаик использовал пейзажные детали в художественном постижении характера человека и коренных вопросов его бытия.

В «*Последнем поклоне*» отчетливо заметно взаимопроникновение природы и человека, которое возвышает душу того, кто способен проникнуться их тихим и иногда грустным очарованием. Красота природы у Астафьева довольно часто мгновенна, так как она постигается чувством. Можно сказать, что это красота намека и недосказанности чувства. Нетрудно заметить, что каждое слово и каждый звук, до предела содержательные, участвуют в создании определенной тональности. «От подкипевшей смолы в густоте хвои стояла запашистая тишина, которую сгущали застенчивые цветы заячьей капусты; белеющие кисточки брусники и папоротники, выбросившие завитки побегов, еще и мякоть мхов, очнувшихся от вечной дремы, тоненько светилась ниточками, родившимися взамен тех, которые угасли, сопрели в корнях сосен, сохраняя для них влагу, питая собой ягоды брусники, робкого майника, водяники и всего, что росло здесь неторопливо в потаенной неге краснолесья» [ASTAF'JEV 1980, 514].

Перед нашими глазами проходит колорит природы в вечном круговороте времен года с золотым солнечным светом и с серебристым сиянием снега и льдин. Потрясающая красота плавного существования и ее неуничтожаемость символизируют образы дороги и дерева. «От займища начинался большой лес... Ввысь вилась дорога с вымытым камешником. Слева от дороги темнел распадок, и в нем плотно стоял ельник, в гуще его глухо шумел засыпающий до осени поток... Дорога здесь покрыта травой — гусиной лапкой... Ровно уходящее к горизонту поле, середь него одинаковые большие деревья. Прямо в поле, в хлеба уныривает дорога... Мне казалось, что дерево, на котором где густо, где реденько бусила зеленоватая хвоя, плыло по небу [...] Дерево — это целый мир! [...] В дереве трубно гудит, поскрипывает. Чудится — жалуется оно мне деревянным, нескончаемо длинным плачем, идущим по корням из земли» [ASTAF'JEV 1980, 79–83].

В широкой панораме края под высоким небом Астафьев улавливает влияние космического напряжения природных стихий, которые сохраняются в вспышках света облаков, их отражений на поверхности земли, в космическом единстве почвы, воды и воздуха, в принадлежности человека к этим природным и космическим явлениям. В своей фундаментальной прозе «*Последний поклон*» Виктор Астафьев свидетельствует о первых и последних вещах человека — его рождении, детстве, зрелости и смерти. Эти отдельные этапы в своем единстве и органической непрерывности являются своего рода зеркалом, в котором отражаются — иногда более резко, а иногда более туманно — все спокойные

и уравновешенные, а также конфликтные и затруднительные жизненные ситуации человека.

Человеческая судьба имеет тенденцию быть сложной, и, образно говоря, у человека есть только два пути — один путь к свету и другой на тот свет. И между ними лежит вся его жизнь — и это часто слишком мало. Вот почему Астафьев обращается к дому, к детству и родному краю, которые являются неотъемлемым условием его человеческого существования и творческого вдохновения. Диссонирующие и несозвучные аккорды жизни пытается преодолеть воспоминанием о защитных руках и объятиях матери и бабушки, хотя это самое близкое и самое чувствительное место его бесконечного обширного космоса поразила в обоих случаях неожиданно жестоко смерть. Виктор Астафьев говорит о смерти как части горькой правды о жизни и продолжает свои раздумья о ее роковом значении. «Нет ни тревоги, ни горя, лишь слабый отзвук печали пощипывает сердце... Настоящее человеческое горе постижимо только той душой, в которой оно происходит, которой слышна своя боль и ведома сила, способная вынести собственное страдание» [ASTAF'JEV 1980, 512].

Боль этой потери никогда не исчезает из его дальнейшего творчества и постепенно переходит из внутреннего субъективного переживания в апофеоз материнской любви как символа самого человеческого чувства. Здесь можно заметить слова В. Я. Курбатова: «Память — инструмент, тонко связанный с самосознанием, и то или иное событие прошлого воскрещается в нас не прежде, чем разум будет готов вполне усвоить его и определить ему единственное место в порядке жизни» [KURBATOV 1980, 14].

И в *«Последнем поклоне»* все сопровождается мотивом памяти, можно сказать, своего рода космической памяти, потому что объекты и явления не являются фиксированно и непроницаемо ограниченными, не существуют сами по себе и для себя, но они как бы связаны с космосом и его бесконечностью — чувствуется их прошедшее время и можно ощутить время будущее. «Надвигающаяся тишь деревенского вечера с теплом, разлитым по всей земле... все-все вокруг меня и надо много было так утихомирено, так похоже на прежний, детской памяти, вечер, что я невольно доверился этому ближнему покою, погрузился в него, будто в глубокую, солнцем налитую воду [...] Ни о чем я не думал, ничто меня больше не тревожило — было так хорошо, так светло на сердце, что я совсем расслабился телом и душой, и смотрел в дырку от сучка, где раз-другой поискрила вечерняя звезда, и хотелось мне, чтоб вечно так было: теплый дом, деревенская тишина [...]» [ASTAF'JEV 1980, 527–529].

Как здесь не вспомнить слова литературоведа Е. В. Стариковой: «Так вот, В. Астафьев в „Последнем поклоне“, этой, по собственному признанию его, самой большой и неизбывной любви, непрерывно и неустанно добирался через

дебри своей цепкой, беспощадной, непрощающей и вопрошающей памяти до правды — своей и нашей, общенародной» [STARIKOVA 1979, 261].

Анализируя «*Последний поклон*», нельзя не учитывать своеобразную смысловую нагрузку, которую несут изображаемые им бытовые условия и жизненные обстоятельства. И надо подчеркнуть, что глубина и красота этого прозаического произведения таится также в щедрой открытости сердца, в его жажде красоты и человечности. «Проза Астафьева — горячая и взволнованная исповедь души и сердца русского человека, тревога за граждански правильное формирование нравственных качеств в характере современника» [BUCHANCOV 1978, 5].

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что в этом автобиографическом романе Виктора Астафьева сказался многолетний опыт одаренного прозаика, уникального в своей индивидуальности.

И так, повторяясь, взаимопроникая, слагаются образы в лирической поэтике «*Последнего поклона*» в одну стройную систему, которая отражает сложность и неповторимость авторского мироощущения и воспроизведения действительности.

Виктор Астафьев в своей прозе свидетельствует о неразделимом сообществе нерожденных, живых и умерших, непрерывности жизни от начала до конца уникальной и индивидуально обновленной человеческой судьбы. Каждая из них пережита отдельно, по-своему, неповторимо, но в то же время она объединяет в себе жизнь в целом, настоящее прошлое, ориентированное на будущее, и послание о его смысле, которое передается как факел из поколения в поколение.

Все, о чем мы писали в нашей статье, подтверждает общие наблюдения над прозаическим творчеством Виктора Астафьева, позволяет говорить о нем как о содержательной и целостной художественной структуре с сильной лирической тональностью, подчиненной гуманистической направленности идеалов самого автора.

Библиография:

- ASTAF'JEV, V. P. (1980): *Poslednij poklon*. In: ASTAF'JEV, V. P.: *Sobranije sočinenij v 4-ch t.* Moskva.
- ASTAF'JEV, V. P., KURBATOV, V. Ja. (2014): *Krest beskonečnyj. Pis'ma iz glubiny Rossii*. Pskov.
- BELAJA, G. A. (1987): *Pereput'je. Voprosy literatury*, 1987, № 12.
- BELIKOV, Je. A. (2014): *Duël' dlinoju v žizn'*. *Literaturnaja gazeta*, 2014, № 17.

- BORKOWSKA, A. (2018): *Autobiograficzna proza Wiktora Astafiewa. (Ostatni poklon, Wesoly żołnierz)*. Siedlce.
- BUCHANCOV, N. (1978): Poryv k dobru. *Literaturnaja Rossija*, 1978, № 3.
- DEDKOV, I. A. (1975): Neoplatnyj dolg. *Literaturnaja Rossija*, 1975, № 5.
- JANOVSKIJ, N. N. (1974): Dejatel'noje dobro. *Naš sovremennik*, 1974, № 5.
- JANOVSKIJ, N. N. (1982): *Viktor Astaf'jev. Očerok tvorčestva*. Moskva.
- JERŠOV, L. F. (1984): Viktor Astaf'jev i liriko-filosofskaja proza. *Russkaja literatura*, 1984, № 1.
- KURBATOV, V. Ja. (1980): Kniga odnoj žizni. In: ASTAF'JEV, V. P.: *Sobranije sočinenij v 4-ch t.* Moskva.
- LANŠČIKOV, A. P. (1975): *Viktor Astaf'jev*. Moskva.
- MAKAROV, A. N. (1973): *Vo glubine Rossii*. Moskva.
- MATYUŠOVA, Z. (2014): Obraz čeloveka v belletristike Viktora Astaf'jeva. In: LIPATOV, A. V., SOZINA, Ju. A. (red.): *Rossija i russkij čelovek v vosprijatii slavjanskich narodov*. Moskva.
- PAVLOV, Ju. (2021): ASTAF'JEV, «POTAJENNYJ» I JAVLENNYJ. Znaki sud'by «pozdnego» VIKTOR pisatelja. <https://denliteraturi.ru/article/5476>. [online]. [cit. 28.9.2023].
- PAVLOV, Ju. (2020): «Soldatskaja pravda» Viktora Astaf'jeva — krivda o čeloveke i vremeni. https://zavtra.ru/blogs/soldatskaya_pravda_viktora_astaf_eva__o_cheloveke_i_vremeni?ysclid=ln4af2ezep832820802. [online]. [cit. 28.9.2023].
- POSPÍŠIL, I. (2022): *Kontinuita (v) dialogu*. Hradec Králové.
- POSPÍŠIL, I. (2020): *Ruská literatura: setkání a konfrontace*. Brno.
- RAZUVALOVA, A. I. (2015): *Pisateli-«derevenščiki»: literatura i konservativnaja ideologija 1970-ch godov*. Moskva. <https://libking.ru/books/sci-/sci-linguistic/566933-51-anna-razuvalova-pisateli-derevenshchiki-literatura-i-konservativnaya-ideologiya-1970-h-godov.html#book>. [online]. [cit. 28.9.2023].
- STARIKOVA, Je. V. (1979): Pamjat'. *Novyj mir*, 1979, № 1.

About the author

Zdeňka Matyušová, University of South Bohemia in České Budějovice, Faculty of Education, Department of Slavic Languages and Literatures, České Budějovice, Czech Republic, matyus@pf.jcu.cz